

А. М. ПАНЧЕНКО

Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в.¹

Взаимоотношения древних русской и чешской литератур не были ни регулярными, ни особенно интенсивными, и в этом смысле проблема чешско-русского литературного обмена, возможно, покажется менее важной, чем, например, вопросы связей древних литератур Руси, Польши и южнославянских стран.² Однако в определенные периоды литературы этих двух славянских народов, долгое время разобщенных и территориально, и культурно, вступали в непосредственное соприкосновение. Факты и явления, относящиеся к истории чешско-русских литературных взаимосвязей старшей поры, несомненно, заслуживают самого настойчивого и тщательного изучения.

А. В. Флоровский выделяет три периода в истории чешско-русского литературного общения.² Первый период — это X—XII вв., время проникновения в Киевскую Русь памятников, связанных прежде всего с именем «патрона земли Чешской» — князя-святого Вацлава. Второй период падает на XV—начало XVI столетия, когда произведения чешской литературы (или памятники общеевропейского характера и значения, но в чешской обработке) усваивались в украинской и особенно белорусской среде («Тоудал рыцарь», «Сказание о Сивилле» и др.). И, наконец, в XVII в. переводы с чешского появляются в Московской Руси, становясь таким образом в цепь переводных произведений собственно русской литературы.

В научной литературе накопилось значительное количество работ, в той или иной степени посвященных интересующей нас теме. Не рассматривая специально статьи по частным вопросам, остановимся на некоторых крупных исследованиях, в которых дается более или менее цельная картина чешско-русских литературных связей XVII столетия.

В первую очередь следует упомянуть труды профессора Варшавского университета И. И. Первольфа. И. И. Первольф, чех по происхождению, до переезда в 70-х годах прошлого столетия в Варшаву работал архивариусом Национального музея в Праге.³ Его научные интересы сосредоточились вокруг проблемы славянской взаимности, разработке которой посвящены его многочисленные статьи. Итогом изысканий И. И. Первольфа явилось трехтомное исследование, вышедшее в 1886—1893 гг. в Варшаве под заглавием «Славяне, их взаимные отношения и связи». В первом томе

¹ В предлагаемом обзоре рассматривается только одна сторона проблемы — усвоение чешской литературной продукции на Руси.

² Antonij Florovskij. Vliv staré české literatury v oblasti ruské. — Co daly naše země Evropě a lidstvu, II. vyd. Praha, 1940, стр. 139—143.

³ О И. И. Первольфе см.: Miloš Weigart. Slovanská vzájemnost. Uvahy o jejich základech a osudech. Bratislava, 1926, стр. 221—225.

излагается история славянских народов, каждому из которых посвящен отдельный очерк. Во втором разбирается идея славянской взаимности, вернее ее проявления в славянских литературах древнего периода (до XVIII в.). Третий том, появившийся в 1893 г., через два года после смерти автора, разрабатывает проблему межславянских взаимосвязей (главным образом с точки зрения исторической). Третий том представляет собой ряд очерков, частью незаконченных. К последним относится и раздел «Чехи и православные славяне»,⁴ в котором приводятся сведения, характеризующие не литературные, но дипломатические, династические и тому подобные связи Чехии и Руси.

Литературный материал находится во втором томе. Заслуга Й. Й. Первольфа состоит в том, что он, используя массу печатных и рукописных источников, ввел в научный оборот огромное количество бывших дотоле неизвестными (или малодоступными) фактов. Но, к сожалению, Й. Й. Первольф только описывал, вовсе не обобщая. Поэтому получилась всего лишь сводка материалов, пользование которыми затрудняется еще из-за методической неумелости автора — частых повторений, непродуманного распределения отдельных фактов и пр. При всем этом нельзя не заметить определенной «славянофильской» предвзятости Й. Й. Первольфа, которая, конечно, не может быть отнесена к достоинствам книги: рассматривая идею славянской взаимности, он считал ее проявлением всякое упоминание о славянах. Прав был Милош Вайнгарт, упрекавший Й. Й. Первольфа в априоризме и тенденциозности.

Особенно много для изучения чешско-русских взаимосвязей сделано А. В. Флоровским. Этому исследователю принадлежит несколько книг и множество статей, повествующих об исторических, торговых и литературных отношениях Чехии и Руси. Широко и заслуженно известна его двухтомная монография «Чехи и восточные славяне»,⁵ вышедшая в Праге на русском языке. В своем двухтомном труде А. В. Флоровский критически обработал и обобщил огромный печатный материал, накопившийся в области исследования чешско-русских связей. Эта работа, кроме ее чисто научного значения, является превосходным и необходимым справочным пособием для каждого специалиста, занимающегося межславянскими взаимоотношениями.

Для нас интересна в первую очередь третья глава второй части книги «Чехи и восточные славяне» — «Чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV—XVII вв.»,⁶ а также недавняя статья А. В. Флоровского «Чешские струи в истории русского литературного общения»,⁷ которая охватывает все три периода чешско-русского литературного общения (X—XII вв., XV—начало XVI в., XVII в.). В этой статье учтена вся новейшая литература вопроса. Особенно важной следует признать ту особенность работ А. В. Флоровского, что здесь факты и явления литературные освещаются на широком историческом фоне. Если при чтении прежних статей по частным проблемам чешско-русских связей составить общее представление по данному вопросу было невозможно, то у А. В. Флоровского, напротив, получалась цельная и в общем — при всей отрывочности самих связей — цельная картина. Выяснилось, что начиная

⁴ Й. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. III. Варшава, 1893, стр. 243—260.

⁵ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935; т. II, Прага, 1947.

⁶ Там же, т. II, стр. 3—98.

⁷ А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, III. М., 1958, стр. 211—251.

с XV в. литературное общение между чехами, с одной стороны, и украинцами, белоруссами и русскими, с другой, постепенно возрождается, хотя и не достигает той интенсивности, какая наблюдалась в киевские времена. «Наименее активными, — пишет А. В. Флоровский, — и по времени наиболее поздними были чешско-русские связи, в которых принимала участие собственно севернорусская ветвь восточных славян, наиболее отдаленная и территориально, и культурно-политически от Чехии. Главную долю участия в развитии этих связей нужно отнести за счет южной и западной ветвей восточнославянских».⁸ Цитированное высказывание относится к чешско-русским отношениям, рассматриваемым с самой общей точки зрения. Что же касается связей литературных, то можно, как нам кажется, говорить о их постепенном усилении с XV в. Свидетельством этого является продвижение чешских памятников из областей украинской и белорусской на восток, в Московское государство (повесть о королевиче Брунцвике). Показателем не может служить только активность или объем связей, необходимо учитывать и территориальное распространение переводов с чешского.

Последняя по времени и первая специальная книга по чешско-русским литературным связям — работа Гелены Прохазковой «По следам давней дружбы. Главы из чешско-русских литературных связей до конца XVII столетия».⁹ По собственному заявлению автора, высказанному в предисловии, специальное внимание уделяется XVI и XVII вв., так что эта книга приобретает для нас особенный интерес. Оставляем в стороне те главы работы, которые освещают чешские отклики на русские события XVI—XVII вв., — они имеют скорее историческое значение и выходят за рамки нашей темы.

Из явлений, связанных с переходом на Русь в XVII в. чешских памятников, Г. Прохазкова затрагивает повесть о Брунцвике, «сомнительную» повесть о Василии Златовласом, вопрос о русских версиях «Римских деяний» (в приложении к книге приводятся таблицы с поглавным сравнением чешских, немецких, польских и русских текстов «Римских деяний») и, кроме того, статью «О Чешском королевстве кроника», читающуюся в западно-русском Хронографе (об этой части книги и о разборе «Василия Златовласого» см. ниже).

Как видим, круг памятников, рассматриваемых Г. Прохазковой, невелик. К тому же, «Брунцвику» и «Василию Златовласому» отведено в общей сложности всего лишь около восьми страниц. Исследование повести о Брунцвике — важнейшего факта чешско-русских литературных взаимоотношений в рассматриваемый период — не вносит ничего существенно нового по сравнению со старыми работами М. Петровского и И. Поливки. Наиболее интересная и самостоятельная часть исследования — раздел о «Римских деяниях» — касается скорее связей польско-русских, хотя может принести пользу и при выяснении литературной истории памятника в чешской среде.

Г. Прохазкова поставила своей целью создать популярную книжку. От работ такого рода было бы излишним и неправильным требовать во всех случаях каких-то новых сравнительно с предшествующими исследованиями наблюдений, тщательной разработки каждой проблемы и т. д. Но мы вправе ожидать от автора по возможности полной и четкой картины

⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. XIII.

⁹ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství. Kapitoly z českoruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959. См. также нашу рецензию: Книга о чешско-русских литературных связях старшей поры. — Русская литература, Л., 1960, № 1, стр. 238—240.

чешско-русских литературных связей и — отсюда — продуманного выбора и распределения материала. А именно в этом отношении (мы говорим исключительно о XVII в.) работа Г. Прохазковой вызывает у читателя чувство разочарования. Во-первых, без достаточных оснований обойдены произведения, дававшие русскому читателю беллетризованную сводку сведений по чешской истории: «История вкратце о Бохеме», 6-я глава Космографии 1670 г. и др. Это тем более странно, что разбор чешской части западнорусского Хронографа, которая построена на том же примерно материале, занимает в книге значительное место. Во-вторых, непонятно, почему исследуется повесть о Василии Златовласом, а непосредственно переведенный с чешского украинский Луцидарий не упомянут вообще. Предположение, что Г. Прохазкова сознательно ограничивалась только литературой Московской Руси, не подтверждается — ведь в книге рассматривается деятельность Франциска Скорины (кстати, автор совершенно забывает о своеобразии того западнорусского литературного окружения, в котором она протекала).

Кроме вышеуказанных крупных исследований, чешско-русским литературным связям XVII в. посвящено большое количество статей по отдельным частным вопросам. Эти статьи принадлежат перу как русских, так и зарубежных ученых (А. И. Соболевский, М. Петровский, А. В. Флоровский, И. Йиречек, И. Поливка, М. Мурко и др.).¹⁰ Мы остановимся на них при рассмотрении отдельных фактов, из которых складывается история чешско-русских отношений XVII в.

*

Круг памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII столетия, включает следующие произведения: 1) повести о королевице Брунцвике и Василии Златовласом (последняя возводится к чешскому оригиналу далеко не всеми исследователями); 2) переводные «хроники», описывающие события чешской истории, как например «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и 6-я глава Космографии 1670 г.; 3) украинский перевод Луцидария.¹¹

Прежде чем перейти к «Брунцвику», считаем необходимым остановиться на вопросе о происхождении повести о Василии Златовласом, поскольку мы не думаем, что в основе ее лежит чешский источник.

¹⁰ См. указатели и подстрочные примечания в названных выше работах А. В. Флоровского.

¹¹ В украинских списках XVII в. известна особая редакция Луцидария, которая, бесспорно, является переводом с чешского. Связь и зависимость украинского Луцидария обнаруживают содержащиеся в тексте многочисленные лексические, морфологические и синтаксические богемизмы, которые перечислил в своем издании памятника Е. Ф. Карский. Луцидарий был в Чехии одной из первых печатных книг (напечатан уже в XV в.), затем не раз переиздавался, существуя параллельно и в рукописной традиции. Попытки поставить украинский Луцидарий в прямую связь с каким-либо из известных чешских текстов до сих пор были тщетны. Не исключена возможность, что украинский переводчик провел самостоятельную правку и обработку оригинала. Не рассматриваем этот памятник специально, так как он продолжает более раннюю — XV и XVI столетий — традицию чешско-украинских связей и непосредственного отношения к нашей теме не имеет. Об украинском и чешском Луцидарии см.: Е. Ф. Карский, Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Варшава, 1906, Iв. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів, IV Львів, 1906; Čeněk Zíbrt. Staročeský Lucidáir. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498 Praha, 1903; А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 42—44; 2) Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 240 (здесь же и литература вопроса).

Предположение о чешском оригинале «Василия Златовласого» было высказано И. Снегиревым еще в 1845 г.¹² Затем оно было поддержано издателем повести И. А. Шляпкиным. «Издаваемая ... повесть...», — писал он, — судя по некоторым полонизмам, пришла к нам через Польшу, но первоначальный оригинал ее надо искать в чешской литературе: сам герой, подобно Брунцвику, чешский королевич, заметно пристрастие к Чехии, видно знание сношений Чехии с Францией. Конечно, все это довольно колебательно, но, по нашему мнению, рано или поздно будет найден чешский оригинал». ¹³ Стронниками этой точки зрения были также Александр Н. Веселовский и А. Н. Пыпин.¹⁴

Из современных исследователей мнения о чешском происхождении «Василия Златовласого» придерживаются Н. К. Гудзий, А. Н. Робинсон, Г. Прохазкова и др., причем Н. К. Гудзий решительно отвергает польское посредство: «Судя главным образом по содержанию, повесть возникла скорее всего в Чехии, но нет оснований думать, что она пришла к нам через польский перевод...: явных полонизмов в русском ее тексте, вопреки утверждению Шляпкина, нет. Зато слово „режи“, скорее всего восходящее к чешскому říže, заставляет предполагать чешский оригинал». ¹⁵ А. Н. Робинсон пишет, что повесть о Василии Златовласом «была переведена с не дошедшего до нас польского варианта, восходящего к также не сохранившемуся чешскому оригиналу». ¹⁶ В самое последнее время в поддержку мнения о чешском источнике повести выступила Г. Прохазкова, выдвинувшая в качестве нового аргумента отысканный ею «богемизм» «подобный» (заметим сразу, что чешский глагол «*podobati se*» хотя и резко различается по значению с польским «*podobac się*», но зато в общем соответствует русскому «быть подобным», так что этот «богемизм» отпадает; к тому же Г. Прохазкова не ссылается на какую-либо определенную фразу в тексте повести). ¹⁷

Совершенно противоположная точка зрения сформулирована А. В. Флоровским,¹⁸ который не находит ни в содержании, ни в языке памятника

¹² И. Снегирев. О лубочных картинках русского народа. Сборник исторических и статистических сведений о России, I. М., 1845, стр. 215.

¹³ И. А. Шляпкин. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. СПб., 1882, стр. 1.

¹⁴ А. Н. Веселовский. Заметки по литературе и народной словесности, I. — СОРЯС, т. XXXII, 1883, № 7, стр. 80; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, изд. 2. СПб., 1902, стр. 509.

¹⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1953, стр. 426.

¹⁶ История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 326.

¹⁷ Helena Procházková. Po stopách divného přátelství, стр. 102—103.

¹⁸ А. Флоровский. Ein angeblicher Bohemismus in der Erzählung von Vasilij Zlatovlasjy. — Zeitschrift für slavische Philologie, X, 2. Leipzig, 1933, стр. 103—106; А. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 242—245. — А. Д. Григорьев также считал, что «Василий Златовласый» написан в России, но замечал при этом, что неизвестный автор его был знаком с чешским языком (кроме «немецких режий», он принимал за богемизм слово «стридница» — несомненно испорченное «страдница»). См.: А. Д. Григорьев. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испанском королевиче Франце. — Варшавские университетские известия, кн. 4. Харьков, 1916, стр. 1—32. Любопытные соображения о «родине» «Василия Златовласого» содержатся в недавней (1959 г.) статье А. Вайяна. Исследуя лексику повести, А. Вайян обнаружил в ней хорватизмы (поклисари, сенаторский, ачага) и латинизмы (Полимистра, Карлус). Основываясь на этих наблюдениях, А. Вайян полагает, что «Василий Златовласый» — рыцарская повесть, ославянизовавшаяся в Далмации (Хорватии), а затем — по-видимому, через сербское, болгарское или румынское посредство — попавшая в Россию, где она была радикально переработана. Для нас важно прежде всего то, что А. Вайян решительно отвергает версию о чешском происхождении «Василия Златовласого». См. André Vaillant. L'histoire de Basile aux cheveux d'or, prince tchèque. — Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1959, књ. XXV, св. 3—4, стр. 237—240.

никаких доказательств чешского его происхождения и считает, что «Василий Златовласый» написан, по всей видимости, в России.

И действительно, в сюжете и вообще содержании повести ничего специально чешского, кроме упоминания Праги и «Чешской земли», не содержится (три варианта имени отца героя — Мечислав, Мстислав и Станислав — специфически чешскими признаны быть не могут). «Знание сношений Чехии с Францией», о котором писал И. А. Шляпкин, на деле оказывается совершенным незнанием их. Так, французский король в повести заявляет, что «чешские короли всегда бывают в поддании францужеских королей и аз бы де и злодей был дщери своей и за подданного бы своего не дал». Мы не находим в повести никаких исторически достоверных сведений о Чехии, за исключением упоминания о том, что Чехия входила в состав империи Габсбургов («немецких режий»). Наоборот, королевич Василий Златовласый покидает и возвращается в континентальную Чехию на корабле (в «Брунцвике» отыскание корабля предваряется длительным путешествием).

Что касается языка повести, то бесспорных богемизмов здесь нет. Слово «режи», возводимое Н. К. Гудзием к чешскому «říše» (империя), с тем же успехом можно соотносить с польским «rzesza». Более того, выражение «немецкие режи», как показал А. В. Флоровский, является калькой с польского «rzesza niemiecka» и встречается довольно часто в русской письменности XVI—XVII столетий (ср. в одной из грамот 1653 г.: «за море в немецкие реши или в иные государства»).¹⁹ Также и другие лексические и морфологические особенности текста «Василия Златовласого» могут расцениваться и как богемизмы, и как полонизмы. Сюда относятся: постоянное употребление звательных форм: гостю, королю, госпоже, государыни; «час» в значении «время»: «почто ты такие часы медлила?» и др.

Не пытаясь решать здесь вопроса о происхождении повести о Василии Златовласом — это тем затруднительнее, что ни в польской, ни в чешской литературе подобный памятник неизвестен, — укажем лишь на некоторые лексические особенности текста, которые можно считать полонизмами. К ним принадлежат «услужование» (польск. *usługowanie*), «держальцы» в предложении «...и чествова подданных своих держальцов в великой чести име» (польск. *dzierzawca* — правитель; у И. И. Срезневского указано в том же значении слово «държавьць — державьць», но из западнорусского источника²⁰), «королевич».

Как видим, мы не располагаем сколько-нибудь достаточным материалом, который позволил бы включать повесть о Василии Златовласом в перечень памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII в.

Как известно, единственным достоверным фактом прямого перехода чешского произведения в литературу Московского государства в XVII в. является повесть о королевиче Брунцвике. Еще А. Н. Пыпин, которому принадлежит первый научный разбор повести, предположил, что перевод был сделан непосредственно с чешского оригинала, поскольку следы последнего заметны в русском тексте.²¹ Эти чешские «остатки» привел в предисловии к своему изданию «Брунцвика» М. Петровский,²² затем их дополнил

¹⁹ A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., стр. 105.

²⁰ Срезневский, Материалы, т. I, стр. 774.

²¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 227.

²² М. Петровский. История о славном короле Брунцвике. — ПДП, XXXI. СПб., 1888.

новыми наблюдениями Йиржи Поливка.²³ В настоящее время вопрос о чешском происхождении «Брунцвика» считается в научной литературе решенным, тем более что в польской письменности подобный памятник не зафиксирован.

Ни русская повесть, ни чешская хроника (для удобства изложения берем этот термин из заглавия «Брунцвика» в чешских рукописях и старопечатных изданиях) уже в течение долгого времени не были предметом специального исследования.²⁴ С момента выхода в свет публикации М. Петровского и статьи Й. Поливки, которые до сих пор остаются единственными серьезными работами по этому вопросу, прошло около семидесяти лет. Нынешние представления о «Брунцвике» основываются на выводах этих двух ученых, хотя даже количество известных сейчас русских списков повести — по сравнению с 12, использованными Й. Поливкой, — возросло в несколько раз. Только по данным библиографических справочников В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, а также А. А. Назаревского их насчитывается 32, а это число, разумеется, не может быть принято как окончательное.

Состояние изучения чешской хроники о Брунцвике тоже нельзя признать благополучным. Сохранилось три списка хроники (XV—XVI вв.), причем два из них в рукописях соседствуют со «Штильфридом». Йозеф Юнгманн упоминал еще о «новой рукописи в Музее (Национальном Музее в Праге, — А. П.)»,²⁵ однако сейчас она, по всей видимости, утеряна. Из этих списков два неоднократно издавались,²⁶ третий не напечатан до сих пор.²⁷ Кроме того, известны и предполагаются многочисленные старопечатные издания второй половины XVI—начала XIX в., общим числом 18,²⁸ из которых четыре не сохранились.

Все три списка чешского «Брунцвика» в совокупности к сравнению с русскими текстами не привлекались — не говорим уже об изданиях, которые вообще в поле зрения исследователей попадали чрезвычайно редко. Между тем изучение как рукописных, так и старопечатных текстов чешской хроники является необходимой предпосылкой для выводов об оригинале русского перевода. Особенности русской повести, как признавали все занимавшиеся «Брунцвиком» ученые, известными чешскими текстами не объясняются. Детальное сравнение чешской хроники и русской повести о Брунцвике провел еще в 1890 г. Франтишек Прусик;²⁹ он признал,

²³ Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. — Rozpravy České Akademie, roč. 1, třída III, čís. 5. Praha, 1892.

²⁴ Недавняя статья Алонза Шмауса, посвященная целиком «Штильфриду», прямого отношения к проблемам усвоения повести о Брунцвике на русской почве не имеет, хотя для изучения чешского оригинала последней несомненно весьма полезна (Alois Schmaus. Zur Entstehungsgeschichte des alttöchechischen «Stilfrid». — Wiener slavistisches Jahrbuch, 3. Band. Wien, 1953, стр. 28—36).

²⁵ Josef Jungmann. Historie literatury české, 2. vyd. Praha, 1849, III, № 96, стр. 66.

²⁶ См.: Jan L o r i š. Sborník hraběte Baworowského. Praha, 1903, стр. 25—51; Václav Han ka. Stará pověst o Stojmírovi a Bruncvíkovi, knížatech českých. Praha 1827; Karel Jaromír Erben. Výbor z literatury české, d. II. Praha, 1868, Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře, стр. 134—143 (752—761).

²⁷ Рукопись Государственного архива в Брно, сборник Бедка, № 47, лл. 13 об.—19 об. См.: Jan V í l i k o v s k ý. Zapomenutý rukopis Jiříkova vidění. — Listy filologické, 65. Praha, 1938, стр. 348—355; Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu, red. Bohuslav Havránek a Josef Hrabák. Praha, 1957, стр. 599.

²⁸ См.: Josef Jungmann. Historie literatury české, стр. 66; Zdeněk T o b o l k a. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. stol., D. II, č. IV, r. VI, sv. 95—109. Praha, 1948, №№ 4482—4498, стр. 199—201.

²⁹ František P r u s i k. Kronika o Bruncvíkovi. — Krok, IV, Praha, 1890.

что русский «Брунцвик» во многих случаях сохранил более древние чтения, чем известные чешские тексты, и исходя из этого «исправил» чешскую хронику. Однако два обстоятельства не позволяют с абсолютным доверием относиться к реконструкции Ф. Прусика: во-первых, он оперировал с текстом, изданным М. Петровским по списку XVIII в., сильно испорченному; к тому же издатель местами «подновил» текст; во-вторых, — и это наиболее существенно — исправления Ф. Прусика не могут быть признаны обоснованными методологически, поскольку он проявил излишнюю «привязанность» к русскому тексту. Так, фразу «bēda mně toho došekaŷi», которой в издании М. Петровского соответствует русская фраза «Ах, беда мне великая бысть, до сего дня доживши», Ф. Прусик также счел нужным изменить: «Вероятно, в чешском оригинале тоже было bēda mně toho (dne) došekaŷi! — здесь Неомения говорит о дне, когда Брунцвик хочет ее покинуть» (?). Подобных случаев в реконструкции Ф. Прусика очень много.

Г. Прохазкова в упомянутой выше книге «По следам давней дружбы» снова вернулась к вопросу о «распространениях» и «сокращениях» в русском переводе,³⁰ целиком основываясь, впрочем, на работе Й. Поливки. Ввиду указанных причин мы не можем согласиться с ее (или Й. Поливки) наблюдениями.

Высказывавшиеся в научной литературе надежды на известное только по заглавию оломоуцкое издание «Брунцвика» 1565 г. как на возможный источник русского перевода,³¹ по нашему мнению, довольно шатки: ведь это издание содержало и хронику о Штильфриде, в русской же литературе никаких следов знакомства со «Штильфридом» нет. Более того, поскольку можно говорить об определенной традиции старопечатных изданий (все они содержат обе хроники и к тому же восходят к рукописи, родственной рукописи Пражской университетской библиотеки XI.В.4, в которой также помещены и «Штильфрид», и «Брунцвик»), предположение о рукописи как оригинале перевода кажется более предпочтительным.

Все это, повторяем, диктует необходимость исследовать все чешские и русские тексты повести о Брунцвике, после чего станет возможным сравнительное изучение чешской и русской версий.

*

Проникновение в древнерусскую письменность хроник, излагающих события чешской истории, начинается еще в XVI в., когда в западнорусский Хронограф включается обширный раздел о Чехии («О Чесском кролевстве кроника»). Эта глава Хронографа исследуется Г. Прохазковой в специальной статье,³² которая потом вошла и в ее книгу «По следам давней дружбы». Г. Прохазкова подошла к чешской части западнорусского Хронографа с чисто исторической точки зрения, попытавшись выяснить идеологические основы труда русского хрониста. Справедливо отмечая, что «О Чесском кролевстве кроника» — произведение переводное («почти дословный перевод» соответствующей главы «Хроники всего света» Мартина Бельского), она, однако, перейдя к оценке взглядов, метода и манеры русского автора, совершенно забывает об источнике перевода. В резуль-

³⁰ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství, стр. 103 и сл.

³¹ Эти надежды как будто разделяет и А. В. Флоровский (А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 242).

³² Helena Procházková. České dějiny v ruském letopise — Casopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR, № 2. Praha, 1956, стр. 300—310.

тате получается, что русский переводчик был «феноменальным выдумщиком», что он «использовал образ чешской княжны Либуши в интересах ... более удобной ... эксплуатации народных масс»; что он, в том же рассказе о Либуше, видел «противоречия внутри господствующего класса». Далее читаем, что «хронист умышленно ... фантастически окрасил причину ... смерти» короля Вацлава III, что воцарение Пршемысла — символ победы Ивана Грозного над непокорным боярством. В конце концов Г. Прохазкова называет «Хронику о Чешском королевстве» «сладким ядом, впрыскиваемым в жилы читателя» (!).

Несомненно, что с таких позиций подходить к произведению переводному — пусть оно и было своим идейным наполнением близким русскому литератору — никак нельзя.

Другая ошибка Г. Прохазковой заключается, по нашему мнению, в том, что она не обратила достаточного внимания на специфически литературные принципы изложения и отбора материала, которыми руководствовался составитель Хронографа («Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев³³). Обращение составителя западно-русского Хронографа к европейской, и в частности чешской, истории обуславливалось в первую очередь усилением русско-европейских сношений, активизацией внешней политики Московского государства и т. п. Однако не следует забывать и о литературных достоинствах «Хроники о Чешском королевстве» (она была составлена Мартином Бельским на основе известной «Хроники» Вацлава Гайка), которая в древнейшей части представляет собой цепь законченных новелл с занимательным сюжетом. Таковы — хотя в тексте они друг от друга не отделяются — рассказы о праотце Чехе, Крое, Либуше и ее пророчествах, легендарном вокняжении Пршемысла, девичьей войне и т. п. Следует учитывать, что русский переводчик, по-видимому, знал о вассальном, зависимом отношении Чехии к Священной Римской империи и все-таки включил в западно-русский Хронограф большую главу о Чехии, хотя это, пожалуй, и нарушало соразмерность частей всего сочинения в целом.

С гораздо большими основаниями можно говорить о литературных интересах русских переводчиков применительно к другим сочинениям XVII в., которые содержат тот же примерно материал, что и чешская часть Хронографа западно-русской редакции. Из них в первую очередь нужно назвать «Историю вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской», известную по двум спискам, и 6-ю главу 76-главной Космографии.

До последнего времени считалось, что оба эти произведения являются переработкой соответствующего раздела той же «Хроники всего света» Мартина Бельского (И. Й. Первольф,³⁴ Й. Поливка,³⁵ А. Ф. Флоровский³⁶) или во всяком случае компилятивным извлечением из каких-то польских источников (А. Брюкнер,³⁷ М. Мурко,³⁸ А. И. Соболевский³⁹).

³³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение М.—Л., 1947, стр. 335.

³⁴ И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 425—426, 456.

³⁵ Jiří Polívka. Česká kronika v ruské literatuře starší. — Časopis Českého Musea, R. LXV. Praha, 1891, стр. 303, 305.

³⁶ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 79—82.

³⁷ Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzystu. Lwów, 1906, стр. 82.

³⁸ М. Мурко. Eine «Geschichte» von Böhmen in russischer Sprache. — Archiv für slavische Philologie, XIV. Berlin, 1892, стр. 158.

³⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 94—95.

так как перечисление чешских государей в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии продолжено до 1611 г., а у Мартина Бельского оно кончается 1533 г. Это давало возможность делать далеко идущие выводы об интересе к Чехии, не затухающем на Руси и в XVII в., о начитанности и знании источников по чешской истории в русской среде и т. д. Однако оказалось,⁴⁰ что и «История о Богеме», и чешская часть 76-главной Космографии — всего лишь переводы (правда, друг от друга не зависимые) из «Истории Европейской Сарматии» Александра Гваньини, в которой изложение доводится как раз до 1611 г.

Глава о Чехии в книге Александра Гваньини представляет собой извлечение из «Хроники» М. Бельского, значительно сокращенное и, с другой стороны, дополненное перечнем чешских королей, заканчивающимся 1611 г. Поскольку «История о Богеме» и 6-я глава Космографии — достаточно точный перевод из книги А. Гваньини, а чешская часть западнорусского Хронографа почти буквально передает текст М. Бельского, то только сопоставление обеих книг помогает понять, чем — по сравнению с М. Бельским — привлекало изложение А. Гваньини и почему понадобились новые переводы (напомним, что составитель 76-главной Космографии, по-видимому, знал «О Чесском кролевстве кронику» либо какой-то другой русский перевод Мартина Бельского).

В «Истории о Богеме» и Космографии выпущены (сравнительно с «Хроникой всего света») эпизоды об основании Лехом польских городов, о заложении Йиглавы, княжении Вршовца, о войне с немцами и распри между Кршесомыслом и Вратиславом, о чуме в Чехии, о Яне Гусе и Иерониме Пражском, упоминание о гуситском движении, не названы многие чешские князья и короли. Подавляющее большинство этих статей не носит легендарно-беллетристического характера. Если в Хронографе западнорусской редакции (или в «Хронике» М. Бельского, что в данном случае безразлично) легендарные события чешской истории вполне уравниваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии акцент сделан именно на легендарных рассказах. Легенда о девичьей войне занимает ровно треть этих произведений. Рассказ, где повествуется о Либуше, равен восьмой части «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии. Если присовокупить сюда новеллы о вокняжении Пршемысла, о приходе Чеха, об Иване Карвацком, о Кроке и судах его, о крещении Боривоя, о Горимире, то окажется, что на самостоятельные рассказы приходится около четырех пятых общего объема разбираемых памятников.

Итак, мы видим, что удельный вес исторического материала в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии ничтожен и абсолютно, и по сравнению с чешской частью западнорусского Хронографа. Основу произведений составляют законченные беллетризованные легенды, говорить о художественной ценности которых нет особой нужды, так как они широко известны в превосходной обработке Алоиза Йираска. Учитывая вышеизложенное, «Историю о Богеме» и 6-ю главу Космографии можно назвать сборниками новелл, лишь в незначительной степени дополненных историческим материалом. Несомненно, именно легендарные рассказы привлекли переводчика «Истории о Богеме» и составителя 76-главной Космографии.

В изучении чешско-русских литературных взаимоотношений рядом с «Историей о Богеме» и Космографией следует поставить, по-видимому,

⁴⁰ См.: А. М. Панченко и В. П. Степанов. «История вкратце о Богеме, ежесть о земле Чешьской» и ее источник. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 304—313.

известную легенду об Иване «Карвацком». Эта легенда, рассказывающая о встрече князя Борживоя с пустынноиком Иваном, читается в составе переведенных с польского компиляций по чешской истории — в западнорусском Хронографе, так называемом «первом великорусском» переводе «Хроники всего света», в «Истории о Бохеме», 76-главной Космографии и др. Соответственно находим ее у М. Бельского, А. Гваньини и М. Стрыйковского — для последних основным источником был Вацлав Гайек.

Имеется, кроме того, три самостоятельных списка легенды, находящихся в русских рукописях XVII в.⁴¹ После опубликования одного из них А. Х. Востоковым русская легенда была провозглашена некоторыми исследователями старославянским памятником чешского извода, занесенным на Русь в одно примерно время с Житием святого Вацлава. Эту точку зрения защищали И. Коларж,⁴² И. В. Шимак,⁴³ И. Вашица⁴⁴ и другие ученые. И. Йиречек,⁴⁵ В. Флайшганс,⁴⁶ А. В. Флоровский,⁴⁷ Ф. М. Бартош⁴⁸ и др., напротив, полагают, что здесь мы имеем дело с переводом XVI или XVII столетия, который восходит к тем же источникам, что и рассказ о пустынноике Иване в составе русских переводных хроник.

И действительно, при сравнении легенды, представленной самостоятельными текстами, с соответствующими пассажами у М. Бельского и А. Гваньини (в «Истории о Бохеме», 76-главной Космографии, чешской части западнорусского Хронографа и пр.) сразу бросается в глаза чрезвычайное сходство всех этих версий. М. Бельский, перерабатывая В. Гайка, очистил рассказ от различных «чужесных» напластований, обнажив самое его ядро — местное, по-видимому, предание о встрече князя с отшельником. (Борживой на охоте преследует раненую лань. Она умирает на его глазах, причем вместо крови из нее «истекает» молоко. Появляется пустынноик, которого эта лань питала 42 года. Князь зовет его в замок. Отшельник отправляется туда и, причастившись, умирает. После его смерти отыскивается рукопись, из которой узнают, что пустынноик Иван был сыном короля хорватского. На его могиле происходят чудеса). Тот же в общем рассказ содержит и самостоятельная русская легенда.

Специфическими в ней являющиеся следующие детали: 1) «люди Боривоевы» молоко умирающей лани «пили довольно»; 2) эпизод о встрече с пустынноиком спланирован несколько иначе и выглядит более стройно: на свой вопрос князь получает от Ивана общий ответ; у А. Гваньини и М. Бельского на два вопроса Борживоя следует соответственно два ответа пустынноика; 3) князь зовет Ивана с собой — «да вкусит пищу»; та же просьба в остальных текстах не мотивирована; 4) Борживой присылает «попа и кони»;

⁴¹ См.: А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 778; М. Милко. Ein Beitrag zur Kenntniss böhmischen Heiliger bei den Russen. — Archiv für slavische Philologie, XIV. Berlin, 1892, стр. 159; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 95.

⁴² Fontes Rerum Bohemicarum, d. I. Praha, 1873, стр. XI, 111.

⁴³ J. V. Šimák. Prameny a pomůcky Hájkovy. — В кн.: Sborník prací ... K šedesátým narozeninám ... prof. dra Jaroslava Golla. Praha, 1906, стр. 195—213.

⁴⁴ Josef Vašica. 1) Legenda svatoivanská. — Řad, II, 5. Praha, 1935; 2) Raný kult českých světců v cizině. — Co daly naše země Evropě a lidstvu, II vyd. Praha, 1940, стр. 24; 3) České literární baroko. Příspěvky k jeho studiu Praha, 1938, стр. 81 и сл.

⁴⁵ Josef Jireček. Staroslovanské životy sv. Ludmily a sv. Ivana. — Casopis Českého Musea. Praha, 1862, стр. 318—322.

⁴⁶ Český časopis historický. R. XLI, seš. 2. Praha, 1935, стр. 395—399.

⁴⁷ А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 87—90; 2) Чешские стои в истории русского литературного развития, стр. 231.

⁴⁸ F. M. Bartoš. Barokní světec Ivan. — Kalich, 17, 1938, стр. 140—145.

у М. Бельского и А. Гваньини пустынный заранее отказывается от коня; 5) Иван перед смертью «приемь хартию и чернила, и написа им, поведая себя сына короля карвацкого»; в остальных случаях рукопись находят после его кончины.

В легенде отсутствуют также некоторые частности, которые читаются у М. Бельского или А. Гваньини: не говорится о том, что Ивана встретил Борживой с женою, нет имени Гестимулус. Указанные отличия и некий «языковой архаизм» и послужили основанием для зачисления легенды в разряд старославянских памятников.

Мы решительно присоединяемся к мнению скептиков — ведь само удивительное сходство содержания у М. Бельского и А. Гваньини с самостоятельными списками легенды служит лучшим доказательством их родства (напомним, что текст М. Бельского составлен в XVI столетии). С другой стороны, известные латинские и чешские версии очень сильно отличаются от русского рассказа. Если прибавить к тому же, что древность возникновения легенды о пустынноике Иване вообще весьма сомнительна (еще Йозеф Добровский скептически высказывался по этому вопросу), то станет ясным, что нет никаких решительно серьезных аргументов, которые позволяли бы считать русские тексты XVII в. поздними списками старославянского памятника чешского извода.

Следует подчеркнуть, что и утверждения о языковом архаизме легенды нельзя признать обоснованными. В тексте ее нет специфически древних фонетических, морфологических, лексических или синтаксических особенностей. «Карвацкий», возводимый Й. Вашицей к «Корвейской» — названию саксонского монастыря, откуда Иван будто бы пришел в Чехию, есть не что иное, как буквальная передача польского слова (ср. «Историю о Бохеме»).

Таким образом, если считать русскую легенду переводом XVI или XVII в., то следовало бы, по нашему мнению, продолжать поиски ее непосредственного оригинала. Однако в данном случае можно допустить и такое предположение: небольшие изменения в тексте легенды об Иване Карвацком (если ее источником был М. Бельский или А. Гваньини) появились в результате переписки или же незначительной обработки, произведенной переводчиком. В пользу этого предположения говорят, например, отличия в рассказах об Иване Карвацком в «Истории о Бохеме» и 76-главной Космографии — относительно происхождения и взаимосвязи этих текстов не может быть ни малейших сомнений. В Космографии указывается, что «елень . . . приведе (Борживоя, — А. П.) под едину высокую каменную гору, с которой вода течаше, и оною водою нача псы парить аки варом, сиречь кипячею водою». В «Истории о Бохеме», которая является переводом из того же А. Гваньини, этой детали нет. Возможно, что здесь составитель Космографии использовал текст «Хроники о Чешском королевстве» М. Бельского либо в польском звучании, либо в каком-либо русском переводе.

Соотнося легенду об Иване Карвацком с западнорусским Хронографом, «Историей о Бохеме», 76-главной Космографией, убеждаемся, что в данном случае мы имеем дело с выделением, самостоятельным бытованием одной из новелл, представленных в названных памятниках. Аналогичное явление — отдельное существование рассказа о девичьей войне, который в научной литературе, как нам известно, не зафиксирован и исследование которого еще предстоит.

*

В предлагаемом обзоре изучения чешско-русских литературных отношений XVII столетия мы не стремились исчерпать всю литературу предмета.

В стороне остались работы по вопросам, прямо к нашей теме не относящимся, в которых тем не менее есть отдельные высказывания по проблемам чешско-русских связей.

Цель настоящей статьи — выделить и подчеркнуть главнейшие моменты в литературном усвоении и, кроме того, охарактеризовать состояние изучения этой важной темы, которая, к сожалению, не заняла еще должного места в исследованиях по древнерусской литературе. Дальнейшая работа, по нашему мнению, должна вестись в двух направлениях: нужно, во-первых, продолжать поиски нового материала и, во-вторых, заполнить пробелы в разработке вопросов, давно уже поставленных в научной литературе.
